

ЛЕВЫЕ ДИССИДЕНТЫ ПЕРИОДА ОТТЕПЕЛИ – СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ «НОВЫХ ЛЕВЫХ»

В.Н. Сергеев

Аннотация. В статье демонстрируются параллели между существовавшими в период Оттепели в СССР левыми диссидентами и «новыми левыми», которые являлись движущей силой Революции 1968 г. в капиталистических странах. Несмотря на разницу во времени существования, «диссидентская левая» и «новая левая» имеет много общего в генезисе и политической стратегии. Оба движения прошли путь от бунта против «старых левых», через провалы и разочарование к встраиванию в политическую систему на позициях умеренной критики системы. Описание левых диссидентов строится на примерах из политической биографии Бориса Борисовича Вайля, Валерия Ефимовича Ронкина, их товарищей («подельников») и других представителей «диссидентской левой». В статье прослеживается вся политическая биография оттепельного поколения левых диссидентов. Первичная политизация левых диссидентов происходила в период получения образования (чаще всего высшего профессионального образования). Заметное влияние оказывало направление подготовки специалистов. Подробно рассмотрены варианты идеологий представителей «диссидентской левой». Отдельно описывается жизнь левых диссидентов после ареста и вынесения обвинительного заключения. Показаны возможные жизненные стратегии после отбытия уголовного наказания. В заключении разбирается участие представителей оттепельной «диссидентской левой» в период Перестройки в СССР.

Ключевые слова: левые диссиденты, Оттепель, СССР, подпольные политические организации, марксизм, социализм, «новые левые».

Сергеев Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова, 105275, г. Москва, Проспект Буденного, д. 31, sergew.w@irioh.ru.

LEFT-WING DISSIDENTS OF THE “THAW” AS THE SOVIET VERSION OF “THE NEW LEFT”

V. N. Sergeev

Abstract. The article demonstrates the parallels between the left dissidents and the “new left” existed during the Thaw in the USSR and were the driving force behind the 1968 Revolution in capitalist countries. Despite the difference in the time of existence, the dissident left and the new left have much in common in the genesis and political strategy. Both movements have progressed from rebellion against the “old left”, through failures and frustration to embedding themselves in the political system in positions of moderate criticism of the system. The description of the left dissidents is based on examples from the political biography of Boris Vail, Valery Ronkin, their comrades and other representatives of the dissident left. The article traces the entire political biography of the thaw generation of left dissidents. The primary politicization of left dissidents took place during the period of study. A noticeable influence had the direction of education. The variants of ideologies of representatives of the “dissident left” are considered in detail. The life of left dissidents after arrest and the indictment is described in particular. The possible life strategies are determined after completing a criminal sentence. The conclusion deals with the participation of representatives of the dissident left in the period of Perestroika in the USSR.

Keywords: left-wing dissidents, the Thaw, USSR, underground political organizations, Marxism, socialism, the New Left.

После 1945 г. в Советском Союзе были две волны социально-политической мобилизации, и обе они не были связаны с 1968 г. Первая волна была порождена реакцией на события 1956 г. (от XX Съезда КПСС до осенних событий в Польше и Венгрии). Вторая волна была связана с Перестройкой и ее последствиями. В обоих случаях мобилизационные волны шли из Москвы в Восточную Европу и возвращались в усиленном виде. Революция 1968 г. в форме «Красного мая» или «Пражской весны» осталась для советских граждан действием, которое не имело широкого мобилизационного потенциала. Даже «Демонстрация семерых» [Горбаневская, 1970] не подразумевала под собой широкой мобилизации. Было много разговоров, но мало действий.

Однако в СССР после 1968 года тоже были «новые левые». Они были представлены в двух вариантах. Первый — «экспортированные» из Западной Европы и США (реже из Латинской Америки) классические варианты «новых левых» [Казаков, Рублев, 2013]. Второй вариант — диссиденты-правозащитники, которые были эмансипаторным и антибюрократическим движением, но при этом у них практически полностью потерялась левая риторика. Чтобы разобраться в причинах отсутствия у диссидентов-правозащитников левого дискурса, стоит обратиться к судьбе поколения «Детей XX Съезда», а точнее к левому флангу этой генерации активистов. Описание коллективной биографии левых диссидентов Оттепели и их сравнение с западными активистами 1968 г. позволит лучше понять генезис правозащитного движения в СССР. Для удобства изложения материала и создания наглядного примера в рамках статьи будут рассмотрены судьбы двух героев — Валерия Ефимовича Ронкина и Бориса Борисовича Вайля. Они, может быть, и не самые известные представители «диссидентской левой», но их биографии типичны и обладают определенной иллюстративностью.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Для описания поколения прежде всего необходимо выделить его хронологические рамки. Левыми диссидентами становились молодые люди, которые только начинали свою самостоятельную жизнь. Рубежом был возраст в 17–18 лет. Именно в этот период советская молодежь в 1950–1960-е гг. заканчивала обучение по программам среднего образования и имела возможность поступить в ВУЗ. Показателен пример Б. Вайля, который родился 19 февраля 1939 г., поступил в Ленинградский библиотечный институт летом 1956, а уже в марте 1957 г. его арестовали по обвинению в антисоветской деятельности.

Верхняя возрастная граница еще более размыта, но связана с тридцатилетием активистов. Если суммировать всю образовательную лестницу — среднее полное образование, высшее профессиональное образование, работа по распределению и аспирантура (даже если заменим среднее полное образование на среднее профессиональное), то к тридцати годам советский гражданин уже заканчивал свою профессиональную подготовку и начинал работать. К этому надо добавить практику браков в ВУЗе или сразу после его окончания, что приводило к появлению детей в относительно раннем возрасте.

Если переводить возрастные характеристики в точные даты, то основным временем рождения будут 1930-е гг. (примерно с 1929 г. по 1941 г.). Возрастные девиации в основном будут сводиться к попаданию в оттепельную молодежь лиц, рожденных начиная с 1925 г. Например, один из видных участников «университетского дела» или «дела молодых историков» Леонид Абрамович Рендель родился в 1925 г. и был одноклассником Ю.М. Даниэля. В этом случае вмешивается фактор Великой Отечественной войны, который заставил множество представителей советской молодежи прервать свое обучение и возобновить этот процесс уже после окончания войны. Граница по 1941 г. связана с изменением тактики высшего советского руководства после Венгерского восстания 1956 г. Ужесточение репрессивной политики в сочетании с появлением новых каналов самореализации привело к сокращению случаев возникновения организаций левых диссидентов на рубеже 1950–1960-х гг. Новые организации в первой половине 1960-х гг. формировались в основном из тех же детей 1930-х, как это было в случае с В. Ронкиным и его товарищами по Союзу коммунаров и журналу «Колокол». Такая отложенная мобилизация имела много причин, которые будут рассмотрены ниже.

Если фактор возраста играл большую роль в формировании данного поколения левых диссидентов, то фактор места рождения был незначителен. Большинство групп было сформировано в Москве, Ленинграде и столицах республик, но их участники родились за пределами данных городов. Подобная ситуация объясняется большими миграционными процессами. Во-первых, события Второй мировой войны вызвали перераспределение советских граждан по всему СССР. Послевоенное восстановление требовало притока молодых людей в индустриальные центры. Во-вторых, большинство ведущих советских ВУЗов было сосредоточено в столичных или просто крупных городах, что давало постоянный приток в них молодежи. Система распределения выпускников несколько снижала демографический дисбаланс, но не изменяла систему принципиально. Для политической мобилизации важным было расхождение между информацией из газет с реальным положением дел на местах. Поездки на «малую родину», как и поездки на Целину или работа по распределению в дальних регионах, могли способствовать формированию критического настроения [«Дело» молодых историков, с. 120].

Большинство групп «диссидентской левой» были созданы студентами или молодыми выпускниками. Направленность высшего образования влияла на способы политизации и формы политической активности. Гуманитарное образование как часть идеологической машины Советского Союза сильнее контролировалось со стороны партийно-государственных инстанций, а, следовательно, давало меньше пространства для маневра и самостоятельной деятельности. Показательна была студенческая деятельность Б. Вайля. За свой первый семестр обучения он смог отличиться дважды. Во-первых, он начал восстанавливать изучение эсперанто в Ленинградском библиотечном институте и Ленинграде в целом. Конечно, изучение самого этого языка не было нарушением правил, но вызывало настороженность у партийно-комсомольских органов из-за частого письменного общения с иностранцами. Во-вторых, Б. Вайль входил

в «редакцию» самиздатского литературного сборника «Ересь», который удостоился отдельного фельетона на страницах «Вечернего Ленинграда» [Матвеев, 1956].

Естественно-научное и техническое образование благодаря своим связям с нуждами военно-промышленного комплекса СССР оставляло чуть больше свободы и возможности для акций неповиновения (непослушания) [Журавлев, 2010; Герасимова, 2015]. Относительно наших главных героев это проявилось в существовании рейдбригады (аналог добровольной народной дружины) в Ленинградском технологическом институте. Через участие в деятельности рейдбригады В. Ронкин с товарищами могли реализовывать на локальном уровне свое желание переустроить мир, и имели возможность развивать практики самоорганизации. Все эти факторы замедляли радикализацию молодых студентов-технарей и естественников или выводили их на умеренный путь правозащитной деятельности. Но, как и в любом правиле, тут есть исключения, связанные с индивидуальными особенностями. Проиллюстрировать эту разницу можно деятельностью Революта Пименова и Эрнста Орловского, которые примерно в одно и тоже время закончили математико-механический факультет ЛГУ. Еще будучи студентом-математиком, Пименов за свою активную позицию подвергался дисциплинарным наказаниям, а подавление Венгерского восстания подтолкнуло его к началу формирования сети подпольных кружков и семинаров при активной поддержке со стороны Б. Вайля. Орловский, участвуя в одном из семинаров Р. Пименова, оставался в поле легальности и выступал против всякой секретности с любой стороны [Киселев, 2009].

ИДЕОЛОГИЯ

Левые диссиденты Оттепели были наиболее радикальными и последовательными сторонниками десталинизации и борьбы с всевластием бюрократии. Оба этих направления понимались ими как единое и неделимое действие. Но в отличие от Н. Хрущева и линии XX Съезда КПСС, они не хотели ограничиваться критикой только прошлого и его пережитков в настоящем. Для них принципиальным моментом было выявление «корней» существовавших в Советском Союзе социальных и экономических трудностей. Дальше всех в работе по выявлению причин продвинулся Ронкин со своим постоянным соавтором Сергеем Хахаевым. Они при поддержке других своих товарищей по Союзу коммунаров написали программную книгу «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата» [Ронкин, 2012, кн. 2, с. 480–580]. В этой работе они попытались дополнить теорию формаций и ответить на вопрос, какой общественно-экономический строй в СССР. В отличие от других представителей диссидентской левой, В. Ронкин и С. Хахаев не стали добавлять к термину социализм уточняющие эпитеты («казарменный», «барачный» [Сергеев, 2012] и т.д.), а предложили новую формацию — бюрократизм или бюрократическое общество во главе с бюрократией как новым правящим классом. Принципиальное отличие этой теории от аналогов заключалось в том, что В. Ронкин и С. Хахаев распространяли теорию бюрократизма и на капиталистические страны. Разница

между странами первого, второго и третьего мира сводилась к пути, которым они двигались к бюрократизму.

Борьба со всевластием бюрократов (чиновников) и желание установления подлинной демократии роднило советскую «диссидентскую левую» периода Оттепели и «новых левых» всех цветов и оттенков. Путь к социализму лежал через революцию против «старых левых» и капитализма (или капитализма и «старых левых»; от перемены мест слагаемых сумма не менялась). Для левых диссидентов это проявлялось в критике не только бюрократов за их тягу к «сладкой жизни» и неэффективность, но и в бичевании черт общества потребления в молодежной среде. Выражалось это в практической и/или теоретической работе. В. Ронкин со своими товарищами по рейдбригаде («бригадмилами») на практике активно боролся со стилягами и фарцовщиками. В своих мемуарах Валерий Ефимович писал, что «[н]ашим высоким идеалам они противопоставляли узкие брюки и яркие галстуки. ... [О]ни претендовали на принадлежность к аристократии иной, чем партийная, так же, как и она, не имея на то интеллектуального права, ибо, по нашим понятиям, преувеличенная забота о внешности не совмещалась с интеллектом» [Ронкин, 2003, с. 73].

Примером теоретической борьбы является текст (самиздатская статья) Марата Чешкова (Союз Патриотов, группа Л. Краснопевцева и Л. Ренделя) под названием «О стиле и стилягах», в котором вскрывались связи между существующими проблемами в обществе и правящей партийно-государственной номенклатурой. Автор пытался показать всю фальшивость политики по борьбе с молодежной субкультурой стиляг и продемонстрировать генеалогическую связь между «бюрократами» (отцы) и «стилягами» (дети): «раздутые оклады и пропорционально раздутое самомнение – все это пагубно отразилось на детях» [ГАРФ, ф. 8131, оп. 31, д. 79867а, л. 320]. Из этого М. Чешков делал вывод, что бороться со «стилем» надо не с помощью ножниц и уличных облав, а нанося удары по бюрократии.

Еще одним совпадением между оттепельной «диссидентской левой» и западными «новыми левыми» были попытки влить молодое вино в старые мехи. Если говорить точнее, то трансформация старых оппозиционных идеологий (троцкизм, анархизм и т.д.) или современных им антибюрократических практик (маоизм, геваризм/фокизм и т.д.).

Теоретической основой для левых диссидентов в большинстве случаев были различные варианты марксизма, но с доминированием двух его вариаций. Во-первых, это истинный ленинизм, который предполагал возвращение к наследию В. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса без сталинских замутнений. Чистым примером является «Программа Союза революционных ленинистов», которую в 1956 г. написали Виктор Тельников и Борис Хайбулин [Крамола, 2005, с. 352–354]. У истинного ленинизма есть параллели с «новым троцкизмом» (Ален Кривин, Даниэль Бенсаид и т.д. [Артемьева, 2016]). Оба эти течения пытались перенести идеи 1920-х или 1930-х гг. в новые исторические реалии, адаптируя их под современные им события. Разница была в том, что «неотроцкисты» имели старших товарищей, и им не приходилось начинать теоретические поиски с чистого листа.

Во-вторых, обращение к современному им восточноевропейскому марксизму-ревизионизму. В этом случае были два примера для заимствования: Югославия и Польша, информацию о которых можно было почерпнуть из партийных газет этих стран. Стоит отметить, что и «ревизионисты» не могли создать чистую программу, в которой отсутствовали бы обращения к риторике «истинного ленинизма». Это видно и на примере марксистского кружка Виктора Шейниса и Ирмы Кудровой, который был связан с Р. Пименовым и Б. Вайлем, и на примере группы Виктора Трофимова [Сергеев, 2014], которая была арестована параллельно с группой в Библиотечном институте. Интерес к титоизму или польскому ревизионизму находит параллели прежде всего в увлечении французских активистов маоизмом. Даже уже немолодые Мишель Фуко и Жан-Поль Сартр поддерживали различные французские маоистские организации. Конечно, Мао и Тито были частью правящей в Китае и Югославии коммунистической бюрократии. Однако для левых диссидентов и «новых левых» были важны их действия по борьбе с бюрократизмом («Культурная революция» в КНР, «самоуправленческий социализм» в Югославии), которые активно репрезентировались для внешнего мира.

В качестве исключения из правил теоретической основой левых диссидентов становились левые альтернативы марксизму. Например, Р. Пименов позиционировал себя в качестве наследника социалистов-революционеров [Пименов, т. 1, с. 21]. Другим примером альтернативы был анархо-синдикализм [Митрохин, 1997]. Доминирование марксизма, и в особенности ленинизма, объясняется, с одной стороны, мировым доминированием различных течений марксизма. С другой стороны, радикальное прочтение полных текстов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина давало практически готовую теорию, которую надо было лишь немного адаптировать под реалии Оттепели. Например, так и поступил молодой философ Михаил Молоствов, когда писал свой программный текст «Status Quo» [Козлов, 2017; Коныхова, 2013]. В этом плане самой опасной ленинской книгой была «Государство и Революция».

Исправлять ошибки современного им СССР левые диссиденты предлагали с помощью политической революции, что отличало их от реформистски настроенных шестидесятников. Вдохновение и примеры молодые радикалы черпали из событий 1956 г. в Польше и Венгрии. Себя же они видели не готовой политической партией, а первопроходцами, за которыми должны пойти единомышленники и широкие пролетарские массы. В этом кроются причины характерных практических действий: написание программы будущей революционной организации, создание дискуссионных площадок и распространение идеологических текстов (листовки, самиздатские журналы и книги и т.д.). Отсутствие реальных связей с другими группами левых диссидентов, невозможность установления контактов с критически настроенными одиночками или широкими массами подталкивало каждое отдельное объединение левых диссидентов к проведению довольно типичных акций прямого действия — распространение листовок в незнакомой среде [Ронкин, 2003, с. 178–180]. Переход к открытым политическим действиям (или готовность к такому переходу) приводил к привлечению внимания правоохранительных органов и строгому наказанию.

Отсутствие в СССР в период Оттепели широкомасштабных революционных событий по «восточному» (Венгерское восстание 1956 г., события в Польше лета-осени 1956 г.) или «западному» (революционные события в капстранах в 1968 г.) образцу связано с дефицитом публичного пространства, где различные силы смогли бы найти друг друга и сформировать основу будущей революционной организации. Даже в ФРГ в 1960-е гг. «новые левые» смогли найти выход из ситуации тотальной антикоммунистической истерии и противостояния двух Германий: радикальные левые начали захватывать молодежные структуры «старых левых» и превращать их в символы революционной борьбы (Социалистический союз немецких студентов, Социал-демократический университетский союз и другие организации). В СССР удавались только локальные попытки «захватить» готовые структуры. Например, как уже отмечалось выше, В. Ронкин, С. Хахаев и другие участники Союза коммунаров были основной движущей силой рейдбригады Ленинградского технологического института, которая была автономной частью местного комсомола. Аналогичные явления встречались и в МГУ в середине 1950-х гг. в среде физиков [Журавлев, 2010; Герасимова, 2015]. Все эти примеры были скорее социальными и/или синдикалистскими инициативами, которые не ставили вопрос о политической власти.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Длительные сроки заключения, которые получали левые диссиденты по статье 58 УК РСФСР или ее аналогам, и концентрация политических заключенных в отдельных исправительно-трудовых лагерях создавали отдельный мир. Именно в ИТЛ происходило знакомство левых между собой и с представителями других политических течений. Наши главные герои по-разному выстраивали свой путь в пенитенциарной системе. Б. Вайль, получивший уголовное наказание в середине 1950-х гг., т.е. в период пика хрущевских политических репрессий, продолжил свою политическую активность в мордовских лагерях. Он сначала установил связь с осколками Группы революционных марксистов, которая состояла из заключенных Кунеевского ИТЛ. Но этот контакт не имел организационных результатов. Члены ГРМ опасались получения третьего подряд срока и свернули видимую деятельность. Вторая попытка создать подпольную организацию заключенных (ГраСо, Гражданский союз) закончилась для Б. Вайля новым сроком и получением статуса «особо опасный», что повлекло за собой перевод на тюремный режим. Нахождение В. Ронкина в пенитенциарной системе было менее драматичным. Свою главную задачу он видел в сохранении контактов и дружбы со своими подельниками, а также в выстраивании новых дружественных отношений. В частности, В. Ронкин установил дружественные отношения с Ю. Даниэлем, а через письма он познакомился с освободившимся Б. Вайлем.

В ИТЛ произошел политический дрейф большинства левых диссидентов. Исправлению подверглись прежде всего революционные марксистские взгляды. Основой этого правого поворота являлась разочарованность в революционной активности студенчества и рабочего класса, которые «неправильно» реагировали

на агитационно-пропагандистские действия левых диссидентов (были пассивны или активно сотрудничали с органами правопорядка). В Западной Европе и США наблюдался схожий процесс у «новых левых». Разочарование в революционном потенциале индустриального пролетариата привело часть радикальных студентов к борьбе за права «меньшинств» или защите окружающей среды (эко-активизм). Один из символов «Красного мая» Даниэль Кон-Бендит («Красный Дэни») с 2002 г. по 2014 г. был сопредседателем фракции «Зеленые – Европейский свободный альянс» в Европейском парламенте, а его товарищ по группе «Революционная борьба» Йошка Фишер был министром юстиции и вице-канцлером Германии в 1998–2005 гг. Интеллектуальные поиски левых диссидентов в советских ИТЛ привели к трем возможным ответам на разочарование в пролетариате.

Первый – радикальная смена идеологии протеста. Для этой части политических активистов марксизм или его левые альтернативы утратили радикальность, а им на смену пришел русский национализм (Владимир Осипов) или православный фундаментализм (Борис Хайбулин) [Осипов, 2012, с. 38–55]. Оба упомянутых диссидента участвовали в издании правого самиздатского журнала «Вече». «Правый поворот» в период отбывания наказания не был исключительно отечественной особенностью. Аналогичный путь прошел и Шандор Рац, который в своей анархо-синдикалистской молодости принимал активное участие в Венгерском восстании и был председателем Центрального рабочего совета. Тюрьма «исправила» молодого венгерского революционера и сделала его националистом и ярым католиком [Tamás G.M.].

Второй – переход к правозащитной деятельности, которая формально позиционировалась вне политического спектра, но в реальности была одной из форм либеральной идеологии. Диссиденты-правозащитники разделяли ряд базовых либеральных ценностей (права человека, верховенство закона, конкурентные выборы и т.д.). Данный вариант возникает из практик по защите своих собственных прав во время следствия, суда и отбывания наказания. Выстраивание локальных сетей солидарности и взаимопомощи (в рамках одного уголовного дела) привело к знакомству с аналогичными сетями и объединению усилий. Освобождение большинства руководителей групп левых диссидентов Оттепели произошло в первой половине – середине 1960-х гг., что во многом совпадало с делом А. Синявского и Ю. Даниэля и последующим за этим рождением правозащитного движения в СССР. По этому пути пошел Б. Вайль, который применил свою кипучую энергию для создания сетей солидарности и поддержки политических заключенных.

Третий – переход на позиции умеренного марксизма или пост-марксизма (еврокоммунизм, социал-демократия и т.д.). С одной стороны, умеренно левая позиция не мешала интеграции в либерально-правозащитное движение на маргинальных позициях. С другой стороны, использование эзопова языка и отказ от требований по революционному изменению общественно-политического строя в СССР ослабляло давление со стороны КГБ. Со сторонниками этого подхода после поражения «Пражской весны» происходит идеологическое сближение шестидесятников,

которые разочаровались в возможности построения «социализма с человеческим лицом» в СССР. Примером перехода на умеренные позиции являлся В. Ронкин, который после освобождения продолжал свою теоретическую деятельность, но писал свои работы не о СССР, а об официально ругаемых социалистических странах [Ронкин 2012, кн. 1, с. 213–236] («контролируемый подтекст»).

Умеренные левые также не были стабильной средой. На них заметное влияние оказывали дискуссии о применении рыночных элементов в социалистических экономиках и их практические реализации в СССР и Восточной Европе. Успехи социал-демократических государств всеобщего благоденствия подливали масло в огонь кухонных дискуссий [Кудрова, 2013, с. 262–274]. Забегая вперед необходимо отметить, что даже сторонники социал-демократии (В. Ронкин [Ронкин, 2003, с. 453–476], В. Шейнис и др.) активно поддерживали приватизацию государственной собственности, которая началась в конце 1980-х–начале 1990-х гг.

Однако для большинства участников «диссидентской левой» столкновение с правоохранительной системой СССР приводило к отказу от занятия политической деятельностью. После освобождения они возвращались к «обычной жизни». Но были и переходные траектории, в основном связанные с возвращением к научной деятельности. В качестве наглядного примера можно привести судьбу Виктора Шейниса и Марата Чешкова. Оба они были историками по образованию и в середине 1950-х гг. были связаны с Институтом востоковедения АН СССР. Чешков в 1958 г. получил 8 лет лишения свободы за создание вместе с Л. Краснопевцевым, Л. Ренделем и другими молодыми москвичами Союза патриотов. Шейнис избежал уголовного наказания, по делу Пименова-Вайля он проходил как свидетель, но подвергся внесудебному наказанию (исключение из ВЛКСМ и аспирантуры ИВ АН СССР). Пройдя сложный и тернистый путь, со второй половины 1970-х гг. они оба работают в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, где свои научные тексты пытаются снабжать «неконтролируемым подтекстом».

Продолжение политической деятельности требовало от отбывших уголовный срок активистов занятия маргинальных позиций (проживание за пределами столиц и крупнейших городов, работа без карьерных перспектив и т.д.). После отбытия всего наказания (ИТЛ и ссылка) В. Ронкин жил и работал в г. Луги (Ленинградская область), который располагается за 101 км. от Ленинграда и где была работа для инженера-химика. В свою очередь, Б. Вайль вернулся в свой родной Курск, где активно включился в правозащитную и самиздатскую деятельность. За свою диссидентскую активность он и Р. Пименов в 1970 г. получили очередное уголовное наказание. Показательным было решение Революта Ивановича не покидать Коми АССР даже после окончания срока ссылки. Работа в местном отделении АН СССР позволяла ему совмещать два его любимых дела – математику и политический активизм. После отбытия ссылки в Тюменской области Б. Вайль в 1977 г. согласился эмигрировать из Советского Союза и осел в Дании, где жил до конца своих дней. Промежуточным итогом политической активности для представителей оттепельной «диссидентской левой» была их внутренняя или внешняя эмиграция.

ПЕРЕСТРОЙКА

К середине 1980-х гг. поколение левых диссидентов Оттепели пережило несколько крупных поражений. Во-первых, различные практики политической самоорганизации и борьбы за реализацию своих идеалов закончились получением существенного наказания (уголовный срок, увольнение с перспективной работы, исключение из образовательных учреждений и т.д.). Столкновение с репрессивной системой в сочетании с политической апатией широких масс привело к разочарованию в марксизмах. Во-вторых, интеграция во второй половине 1960-х—начале 1970-х гг. в правозащитное движение тоже не принесла желаемого успеха. Диссиденты-правозащитники не смогли справиться с несколькими волнами репрессивных кампаний и в первой половине 1980-х практически исчезли с политической сцены.

Возникновение нового низового политического движения («неформалы») происходило практически без участия «ветеранов» Оттепели. Например, В. Ронкин хоть и вступил в образовавшийся в Луге дискуссионный политический клуб, но оставался там на вторых ролях, уступая дорогу молодым [Ронкин, 2003, с. 434–449]. Сказывалась инерция предыдущего опыта и настороженное отношение к неформальным клубам со стороны остатков правозащитного движения. Меньшинство левых диссидентов Оттепели интегрировалось в движение неформалов и добилось определенного политического успеха [Сигман, 2014, с. 53–102]. Примером успешного участия в перестроечной политической жизни была деятельность двух товарищей Б. Вайля – Р. Пименова и В. Шейниса. Оба они никогда не отказывались от возможности выстраивания политической карьеры, но шли к этому разными путями. В 1990 г. они были избраны народными депутатами РСФСР и принимали активное участие в разработке новой конституции.

В Перестройку в среде бывших оттепельных левых диссидентов кристаллизовались два вектора движения, и оба они не были связаны с построением «социализма с человеческим лицом». Ультраправые и религиозные фундаменталисты, которых было меньшинство, стали активно предлагать рецепты возрождения русской православленной нации. Большинство, которое стояло на либеральных или умеренно левых позициях, ратовало за скорейший переход к капитализму. Ультра-западничество подталкивало их к поддержке Б. Ельцина и других сторонников радикальных преобразований. Бывшие сторонники рабочего самоуправления начали активно пропагандировать величие «невидимой руки рынка», которая должна навести порядок в стране. М. Горбачев же со своим желанием исправить социализм казался им ретроградом или не до конца прозревшим представителем поколения «детей XX Съезда».

* * *

XX Съезд КПСС, внутривнутрипартийное обсуждение доклада Н. Хрущева «О культе личности и его последствиях», революционные события в Польше и Венгрии лета-осени 1956 г. вызвали политическую мобилизацию в рядах советской молодежи. Радикальным проявлением данной активности стало возникновение левых диссидентов, которые настаивали на революционном продолжении десталинизации

и демократизации советского общества и государства во имя построения подлинного социализма. По своей сути это был антибюрократический протест, который был направлен как против «реального социализма»/«старых левых», так и против капитализма. «Диссидентская левая» ставила под вопрос саму альтернативу между соцстранами и капстранами, так как в СССР сохранялось социальное неравенство и неравный доступ к материальным благам. Эти моменты роднили советских левых диссидентов Оттепели и участников «студенческих протестов» в Западной Европе и Северной Америке во второй половине 1960-х гг.

Еще одной объединяющей чертой было разочарование в «реальном социализме» или государстве всеобщего благоденствия. Конституция СССР 1936 г. заявляла о построении в Советском Союзе социализма (Статья 12: «В СССР осуществляется принцип социализма: "от каждого по его способности, каждому – по его труду"»), но сохранение голода, недоедания, товарного дефицита и т. д. заставляло левых диссидентов усомниться в правоте генеральной линии КПСС. Аналогичный процесс разочарования в возможностях социального государства и пределах послевоенного экономического бума привел к появлению «новых левых».

Отсутствие возможности осуществить политическую революцию и жесткая репрессивная политика во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. привели к идейной трансформации левых диссидентов оттепельного призыва. Большинство из них потеряло определение левые или как минимум перешло на умеренные позиции. Но главное, что принесли репрессии – разочарование в левом проекте и идейные поиски альтернатив (ультраправые идеологии, либерализм или социал-реформизм). «Дети XX Съезда» (левые диссиденты и шестидесятники-реформисты), пройдя полосу разочарований и идейных дискуссий, стали основой правозащитного движения, которое сформировалось в СССР после процесса над А. Синявским и Ю. Даниэлем. Однако диссиденты-правозащитники сохранили доставшуюся им по наследству антибюрократическую направленность. Парадоксальным образом в СССР сверстники западного поколения ветеранов 1968 г., сохраняя антисистемный характер, встали на позиции крайнего либерализма или консервативного либерализма. Советские бунтари всем сердцем полюбили Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Артемьева М.А. Даниэль Бенсаид и новые дискуссии в марксизме // *Вестник МГПУ. Серия «Философские науки»*. 2016. № 3 (19). С. 69–80.

Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 31. Д. 79867а.
Герасимова О.Г. «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета. М.: АИРО–XX век, 2015. 608 с.

Горбаневская Н.Е. Полдень: Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. Frankfurt/M.: Посев, 1970. 497 с.

- «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // *Вопросы истории*. 1994. № 4. С. 106–135.
- Журавлев О. Роль студентов в учреждении научной инновации и политическая функция комсомола: физфак МГУ 1950-х–60-х гг. // *Конструируя «советское»? СПб.: Издательство ЕУ в СПб, 2010. С. 32–38.*
- Казakov Е.А., Рублев Д.И. «Колесо истории не вертелось, оно скатывалось». Левое подполье в Ленинграде, 1975–1982 // *Неприкосновенный запас: дебаты о культуре и политике*. 2013. № 5 (91). С. 156–175.
- Киселев О.М. К 80-летию со дня рождения Эрнста Семеновича Орловского // *История Петербурга*. 2009. № 3 (49). С. 6–11.
- Козлов Д.С. Две революции, две составные части политического инакомыслия эпохи «оттепели» // *Социология власти*. 2017. № 29 (2). С. 153–177.
- Конюхова А.С. «Философствующая братия»: процесс по делу диссидентской «группы М.М. Молодцова» // *Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2013. № 14. С. 294–306.
- Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневe. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко. М.: Материк, 2005. 432 с.
- Кудрова И.В. Прощание с мороккой. СПб.: Крига, 2013. 488 с.
- Матвеев М. Смертяшкины // *Вечерний Ленинград*. 1956. 1 декабря.
- Митрохин Н.А. Анархо-синдикализм и оттепель // *Община*. 1997. № 50. С. 39–46.
- Осипов В. Корень нации. Записки русофила. М.: Алгоритм, 2012. 624 с.
- Пименов Р.Р. Воспоминания. В 2х т. М.: Панорама, 1996.
- Ронкин В.Е. На смену декаблям приходят январь... М.: Звенья, 2003. 480 с.
- Ронкин В.Е. Сочинения. Наблюдения, исследования, размышления. Книга 1–2. СПб.: Норма, 2012.
- Сергеев В.Н. Дело Трофимова-Тельникова: студенческая борьба за демократию и социализм // *Труды Института российской истории*. Вып. 12. М., 2014. С. 341–356.
- Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя // *Вестник МГОУ: серия «История и политические науки»*. 2012. № 3. С. 98–103.
- Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с.
- Tamás G.M. Hungary 1956: a Socialist Revolution URL: <http://www.criticatac.ro/lefteast/hungary-1956/> (дата обращения – 14 июля 2018 г.).

REFERENCES

- Artem'eva M.A. Daniehl Bensaid i novye diskussii v marksizme, in *Vestnik MGPU. Seriya "Filosofskie nauki"*. 2016. № 3(19). Pp. 69–80 (in Russian).
- State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 8131. Inv. 31. D. 79867a (in Russian).

Gerasimova O.G. "Ottepel", "zamorozki" i studenty Moskovskogo universiteta.

Gorbanevskaya N. *Polden': Delo o demonstratsii 25 avgusta 1968 goda na Krasnoy ploschchadi*. London: Andre Deutsch, 1972. 288 p. (in Russian).

"Delo" molodyh istorikov (1957–1958 gg.), in *Voprosy istorii*. 1994. № 4. Pp. 106–135 (in Russian).

Zhuravlev O. Rol' studentov v uchrezhdenii nauchnoj innovacii i politicheskaya funkciya komsomola: fizfak MGU 1950-h–60-h gg., in *Konstruiruya "sovetskoe"?* SPb.: Izdatel'stvo EU v SPb, 2010. Pp. 32–38 (in Russian).

Kazakov E.A., Rublev D.I. "Koleso istorii ne vertelos', ono skatyvalos'". Levoe podpol'e v Leningrade, 1975–1982, in *Neprikosnovennyj zapas: debaty o kul'ture i politike*. 2013. № 5(91). Pp. 156–175 (in Russian).

Kiselev O.M. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Ernsta Semenovicha Orlovskogo, in *Istoriya Peterburga*. 2009. №3(49). Pp. 6–11 (in Russian).

Kozlov D.S. Dve revolyucii, dve sostavnye chasti politicheskogo inakomyслиya ehpoi "ot-tepeli", in *Sociologiya vlasti*. 2017. № 29(2). Pp. 153–177 (in Russian).

Konyuhova A.S. "Filosofstvuyushchaya bratiya": process po delu dissidentskoj "gruppy M.M. Molostvova", in *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2013. № 14. Pp. 294–306 (in Russian).

Kramola: Inakomyслиe v SSSR pri Hrushcheve i Brezhneve. 1953–1982 gg. Rassekrechennye dokumenty Verhovnogo suda i Prokuratury SSSR / Pod red. V.A. Kozlova, S.V. Mironenko. M.: Materik, 2005. 432 p. (in Russian).

Kudrova I.V. *Proshchanie s morokoj*. SPb.: Kriga, 2013. 488 p. (in Russian).

Matveev M. Smertyashkiny, in *Vechernij Leningrad*. 1956. 1 dekabrya (in Russian).

Mitrohin H.A. Anarho-sindikalizm i оттеpel', in *Obshchina*. 1997. № 50. Pp. 39–46 (in Russian).

Osipov V. *Koren' nacji. Zapiski rusofila* [Root of the nation. Notes Russophile]. M.: Algoritm, 2012. 624 p. (in Russian).

Pimenov R.R. *Vospominaniya*. V 2h t. M.: Panorama, 1996 (in Russian).

Ronkin V.E. *Na smenu dekabryam prihodjat yanvari...* M.: Zven'ya, 2003. 480 p. (in Russian).

Ronkin V.E. *Sochineniya. Nablyudeniya, issledovaniya, razmyshleniya*. Kniga 1–2. SPb.: Norma, 2012 (in Russian).

Sergeev V.N. Delo Trofimova-Tel'nikova: studencheskaya bor'ba za demokratiyu i socialism, in *Trudy Instituta rossijskoj istorii*. Vyp. 12. 2014. Pp. 341–356 (in Russian).

Sergeev V.N. K voprosu ob ideologii gruppy Krasnopevceva-Rendelya, in *Vestnik MGOU: seriya "Istoriya i politicheskie nauki"*. 2012. № 3. Pp. 98–103 (in Russian).

Sigman C. *Politicheskiye kluby i Perestroyka v Rossii: Oppozitsiya bez dissidentstva*. Paris: Karthala, 2009. 476 p. (in Russian).

Tamás G.M. Hungary 1956: a Socialist Revolution Available at: <http://www.criticatac.ro/lefteast/hungary-1956/> (accessed 14 July 2018).